К.В.Радкевич, А.В.Шабага

ЕВРАЗИЙСТВО И ГЕОПОЛИТИКА: СОЦИАЛЬНЫЕ МИФОЛОГЕМЫ ПРОСТРАНСТВА

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165)

Аннотация:

В статье исследуются истоки возникновения евразийства, как российской социальной доктрины, появившейся в качестве ответа на западные геополитические концепции. В этой связи рассматриваются основы концепций англо-саксонской и германской геополитических школ в сравнении с российским евразийством. Обе концепции служат оправданием социальных институтов и объединений на основании различия пространств Восточной и Западной частей Евразии. В ходе исследования показывается, что базой геополитики как западноевропейского, так и восточноевропейского типа являются мифологемы, которые хотя и претендуют на научную значимость, но по своей природе не способны достичь этого статуса. В работе выявляется, что для обеих направлений свойственна 1) выдумка идеальной вневременной родины социума на основе мифологической трактовки пространства; 2) претензия на сакральное знание (через сакрализацию пространства), являющееся в действительности профанным.

Характерная разница между западными геополитическимм школами (англо-саксонской и германской) и евразийством заключается в определении связи между пространством и конкретным социумом. Геополитика исходит из постоянства пространственного противостояния, являющегося причиной социально-политической конкуренции. Её оценка действительности основывается на необходимости наступательных действий по отношению к «чужому» пространству. Ибо «чужое» пространство изначально враждебно по «естественным» обстоятельствам. В этом смысле геополитическая наступательность вплоть до агрессивности контрастирует с оборонительным характером евразийства, поскольку у евразийцев утверждалась мысль о том, что пространство объединяет общества со схожими ценностями и, соответственно, эти общества должны защищать своё пространственное месторазвитие от посягательств стран Западного мира.

Ключевые слова: социология политики, социальные мифологемы пространства, евразийство, западная геополитика, атлантизм, герменевтика геополитики, месторазвитие

Библиогр. 33 назв.

K.V.Radkevich, A.V.Shabaga

EURASISM AND GEOPOLITICS: SOCIAL MYTHOLOGEMES OF SPACE

Abstract

The article explores the origins of Eurasianism as a Russian social doctrine that emerged as an answer to Western geopolitical concepts. In this regard, the foundations of the concepts of Anglo-Saxon and German geopolitical schools are examined in comparison with Russian Eurasianism. Both concepts serve to justify socical institutions and associations on the basis of the difference between the spaces of the Eastern and Western parts of Eurasia. In the course of the study, it is shown that the basis of geopolitics of both the Western European and Eastern European types are mythologemes, which, although they claim to be of scientific importance, are not by nature capable of achieving this status. The paper reveals that for both directions is characteristic: 1) the invention of an ideal timeless homeland of society on the basis of a mythological interpretation of space; 2) the pretension for sacred knowledge (through the sacralization of space), which is actually profane.

The characteristic difference between Western geopolitical schools (Anglo-Saxon and German) and Eurasianism lies in determining the connection between space and a specific society. Geopolitics proceeds from the constancy of spatial opposition, which is the cause of socio-political contention. Her assessment of reality is based on the need for offensive actions in relation to the "alien" space. For “alien” space is initially hostile to “natural” circumstances. In this sense, geopolitical offensiveness, even aggressiveness, contrasts with the defensive nature of Eurasianism, since the idea was affirmed among Eurasians that space unites peoples with similar values and, accordingly, these societies should protect space their “space of development” from encroachments of the countries of the Western world.

Keywords: sociology of politics, social miphologems of space, Eurasianism, Western geopolitics, Atlantism, hermeneutics of geopolitics, space of development

Сто лет назад в 1920 году Н.С.Трубецкой издал в Софии свой труд «Европа и человечество», в котором изложил положения, составившие в дальнейшем основания евразийской теории [29,3]. Сейчас, рассматривая работу Н.С.Трубецкого в исторической перспективе ясно, что она возникла как ответ на вызов, некогда брошенный западной геополитикой и затем оформившейся в виде атлантизма. Разумеется, можно усомниться в исходных основаниях того и другого направления общественной мысли, в которых социально-политические решения предопределены диктатом пространства. Но трудно отрицать то значение, которое они

приобрели в ходе XX века, противостоя друг другу теоретически и практически, как два соперничающих друг с другом извода одной социальной науки. Ибо наряду с западной геополитикой, пустившей корни даже на уровне учебной дисциплины в учреждениях высшего образования, у нас давно существует её российская ветвь, известная как евразийство. В этой статье мы хотим сопоставить евразийство с англо-саксонской и германской версиями геополитики, исследовать истоки обоих направлений и показать инструментальное значение.

Этимологически и содержательно геополитика связана с возникшей несколько ранее политической географией. Задачу этой науки видели в объяснении социально-политической специфики региона особенностями его географических условий. Впервые на необходимость развития этой сферы научного знания указал выдающийся русский историк и политический деятель Василий Никитич.Татищев (1686-1750). О новом направлении научных изысканий он писал так: «Политическое Географіи описаніе представляетъ селенія, великія и малыя, яко грады, пристани и пр., правительства гражданскія и духовныя, способности, прилежности и искусства, въ чемъ либо того предѣла обыватели упражняются и преимуществуютъ, яко же ихъ нравы и состоянія, и как сіи обстоятельства по временамъ премѣняются» [30, 501]. Введённый В.Н.Татищевым термин политической географии оказался весьма востребованным. В дальнейшем в XVIII веке его использовал французский учёный и политический деятель А.Р.Ж.Тюрго, а в XIX веке немецкий учёный К.Риттер не только превратил политическую географию в полноценную научную дисциплину, но и заложил, на её основе, принципы геополитики.

Эти наука получила достаточно широкое распространение и, в результате, в современном мире для обоснования социально значимых решений, часто прибегают к ссылкам на некие геополитические причины. То есть такие причины, в которых, во-первых, социальное (в виде политического) подчинено глобальному (геопричинам). А, во-вторых, отношения между социальными субъектами представлены в виде бинарной оппозиции по типу «свой-чужой». В результате такого толкования всё социальное бытие представляется как постоянный политический конфликт. Иногда конфликт затихает. Но, поскольку причины его породившие, могут только меняться, а не исчезать, эти затишья, как показывает практика, носит исключительно временный характер. В рамках геополитики, природу этого неизбывного конфликта объясняют, как противостояние друг другу неких пространств. Согласно этому подходу, пространства с необходимостью противостоят друг другу, влияя тем самым прямо или косвенно на социум в целом и, тем самым, на мировую политику. Влияние осуществляется посредством формирования внутри пространств таких обществ, которые некоторым образом конгруэнтны своим пространствам. Из этого выводятся два связанные между собой заключения. Первое: каждое из пространств формирует психотип населяющего его общества

– например, степняка-кочевника, оседлого земледельца или торговца-морехода. Психотип порождает институциональную специфику социума, которая, в свою очередь, влияет на особенности образования государства и своеобразие его политики. Второе: поскольку пространства совершенно разные, населяющие их народы также должны находиться в принципиальном противоречии между собой. Прежде всего это аксиологические противоречия, которые порождают все остальные, в том числе политические.

На сегодняшний день существует немалое количество интерпретаций мировой политики в этом ключе. Их направленность и специфика как правило зависят от школ, к которым принадлежит тот или иной исследователь. Но объединяющим моментом всех школ, на наш взгляд, является то, что все они основаны на мифологемах. Возьмём наиболее известную сейчас англо-саксонскую школу. В её основе лежит утверждение об исконном противостоянии моря и суши. Природу этого противостояния всегда оставляют за скобками, надеясь на эрудицию слушателя или его способность к ассоциативному мышлению. Подобный подход обычно бывает оправдан, так как услужливая память даёт ссылку сообщение из первой книгу Бытия, согласно которому в третий день творения Господь отделил сушу от моря: «И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша. И бысть тако. И собрася вода, яже под небесам, в собрания своя, и явися суша» [13, 1,9]. Тем, кто не обременён знанием библейских сюжетов и не знаком с книгой Бытия, предлагалось опереться на бытовой опыт, сообразно каковому вода и суша представляют собой две противостоящие субстанции, определяющие разные качественные состояния пространства. В дальнейшем это противопоставление приведёт к объявлению о «естественности» политического противостояния Моря (в виде островных государств – Великобритании и США) и Суши (континентальных государств Евразии).

Разведя два состояния вещества до уровня пространственных качеств, сторонники англо-саксонской школы перенесли их на общества, которые, по их мнению, напрямую зависят от соответствующих пространств. Начало этому положил известный учёный и политический деятель Джон Ивлин (1620-1706). В работе с характерным названием «Навигация и коммерция, в которой право Его Величества на доминирование на море защищается против новых норм права и более поздних претендентов» провозглашается аксиома: «so True is another Axiom, Qui MARE tenet, eum necesse esse rerum potiri; but, without which, 'tis in vain to talk of Sovereignty» [3, 69]. Тем самым автор хочет сказать, что именно тот, кто контролирует море, властвует над всеми, без морского владычества бессмысленно говорить о подлинном господстве. Заметим, что, провозглашая особый статус морского доминирования, Д.Ивлин опирался на авторитет Цицерона, извлечение из письма которого к Аттику, он включил в состав своей «аксиомы». В дальнейшем «аксиома» Д.Ивлина будет использована

Х.Макиндером (1861-1947), но пока обратим внимание на выделение моря, как «главного» пространства обитаемого мира, обладающим заведомым преимуществом относительно суши. Развивая этот подход англо-саксонские геополитики пришли к небесспорному, с нашей точки зрения, заключению о принципиальных и даже непримиримых противоречиях между «морскими» и «сухопутными» обществами. Роль регулятора отношений такого антагонизма была отведена конфликту, который должен привести к окончательной или временной победе той или иной стороны. Примечательно, что первоначально англо-саксонское направление было далеко от мифологии. Американский адмирал А.Мэхэн (1840-1914), рассуждая о преимуществах морской мощи, опирался прежде всего на географические и стратегические положения [22, 17]. Но его идеи о феномене морских пространств были потом не только подхвачены, но и гипостазированы с помощью знакомых всем библейских ассоциаций. При этом простота и наглядность такого объяснения сложных социальных явлений была настолько заразительна, что увлекла и сторонников других геополитических школ.

К ним относилась и в своё время не менее известная немецкая школа. Её основу заложил географ К.Риттер (1779-1859), предложивший все биологические и социальные процессы на Земле воспринимать в понятиях пространства, так как это следует «из природы самого объекта» [10, 207]. Он полагал, что государство (как и Земля в целом) сродни живому организму, обладающему соответствующими органами, за которыми закреплены специальные функции. Уподобление государства организмам, привело К.Риттера к заключению о том, что их естественное развитие неизбежно приводит к борьбе друг с другом за среду обитания или жизненное пространство (Lebensraum). В дальнейшем в германской геополитической традиции противостояние пространств и населяющих их обществ стало объясняться особыми связями, которыми каждый социум был связан с землёй его породившей. Различие почв, вошедшее в кровь каждого социума, порождало различие ценностей и интересов. Что, с точки зрения части немецких геополитиков, предопределяло непримиримое соперничество обществ и государств между собой, закономерно ведущее в своём пределе к борьбе друг с другом за расширение «своего» пространства за счёт «другого». Теоретически это выглядело не вполне последовательно. Ибо концепция тесной связи социума с землёй должна была бы конфликтовать с идеей захвата чужих территорий, чего создатели концепции кровной связи общества с пространством почему-то не замечали. Лишь после военно-политического краха Германии, в ходе двух мировых войн лишившейся значительной части территорий, несостоятельность этих построений стала очевидна для всех.

Стоит отметить, что англо-саксонские идеи также нашли своё место в германской геополитической мысли XX века. Правда весьма специфически. Такие геополитики, как К.Хаусхофер и К.Шмитт просто поменяли знаки местами. То, что было плюсом у англо-

саксов, стало минусом у немцев. Немецкие геополитики провозгласили примат континентализма, а морскую мощь и морскую торговлю, являвшуюся согласно англо-саксонским геополитикам (А.Мэхэн, Н.Спайкмен, Х. Макиндер) желательной основой мировой политики, связали с торгашеским «духом» британцев, несовместимым с принципами настоящего политического действа. К.Шмитт также указал, что в XX веке недопустимо считать море элементом или стихией. Его, наряду с землёй и воздухом следует воспринимать как пространство, как вместилище человеческой активности, направленной на достижение политического господства [11, 1].

Ещё одно концептуальное заимствование, сделанное немцами у англо-саксов, заключается в использовании идеи оси. Правда они восприняли эту идею в континентальном духе. Если англо-саксы представляли военно-политическую ось, как некое подобие земной оси, то германские геополитики выстраивали свои оси преимущественно в широтном направлении. Нам известен лишь один крайне экзотический проект смысл которого заключался в частичном осушении Средиземного моря, сухопутном объединении Европы и Африки в новую часть света Атлантропу, которая сумеет выдержать геополитическое противостояние в Азией и Америкой [12, 983-987]. Остальные немецкие политические деятели, выстраивающие свои концепции в геополитическом ключе (К.Хаусхофер, Э.Никиш) полагали, что меридиональные оси дают преимущество морским державам, способным контролировать водные коммуникации Америки и Африки. А для континентальных есть только одна возможность объединения – широтный принцип. К.Хаусхофер в 1939 г предлагал рассмотреть «совершенно трезвым взглядом геополитическую силу Евразийского пакта», который по его предположению должны были заключить Германия, СССР и Япония в своей борьбе против англо-саксонских стран [31,380]. Э.Никиш, придерживающийся социалистических взглядов, делал упор на азиатское направление с пролетарской точки зрения. В 1935 г в беседе с Б.Муссолини критикуя внешнюю политику Гитлера, он отстаивал необходимости объединения пролетарских народов Италии, Германии, России и Японии, уверяя, что «этому союзу не было бы равных; ему никто не смог бы противостоять, он смог бы победить Англию и Америку в Азии, равно как и в Европе» [23,399]. С чем бывший марксист Б.Муссолини, некогда редактировавший социалистическую газету «Avanti!», был, по крайней мере на словах, совершенно согласен. В этой связи отметим, что современные им советские марксисты геополитикой не увлекались, а если и размышляли о пролетарском объединении в континентальном масштабе, то его ход предполагали совсем иным, да направленность была другая – с востока на запад. Вот весьма характерная для этого времени поэтическая цитата, точно фиксирующая противостояние континентальных и морских держав:

«Но мы ещё дойдём до Ганга,

Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.» [18]

В целом следует сказать, что на востоке Европы идея осевого представления организации социально-политического пространства воспринималась крайне скептически. И у этого были весьма солидные основания, так как в целом это был чрезвычайно странный конструкт. В этом отношении остаётся только удивляться, что он до сих остаётся востребованным в социально-политическом анализе. Первым, кто ввёл в науку понятие некоего стержня (pivot), определяющего мировую политику, был Х.Макиндер. Будучи географом, он так и назвал этот стержень (ось, точка опоры, точка вращения) - географическим. Ось, вокруг которой якобы вращалась мировая история, Х.Макиндер испоместил куда-то в глубины Северной Евразии и назвал окружавшие её территории сердцевинной землёй, хартлендом (Heartland). После этого Х.Макиндер, оттолкнувшись от идей Д.Ивлина, выдвинул собственную «аксиому», которую, как он полагал, должен постоянно держать в голове каждый государственный деятель европейского Запада. Она состояла в утверждении, что тот, кто властвует над Восточной Европой, управляет хартлендом; кто управляет хартлендом, тот господствует над морскими державами; кто господствует над морскими державами владычествует во всём мире [7,191].

Конечно это более чем сомнительное утверждение, не способное выдержать ни одной сколько-нибудь основательной исторической проверки. Что не удивительно, так как идея некоей географической точки, определяющей образование хартленда, является откровенной спекуляцией. Её появление связано с объяснениями того, почему Россия является крепостью, неприступной для западных держав в целом и для Англии, прежде всего. Рассуждая о неудачах Карла XII и Наполеона, Х.Макиндер указывал, прежде всего на несоразмерность пространств, куда вторгались эти незадачливые герои. И хотя впоследствии и сами пострадавшие, и их многочисленные биографы высказывались в том духе, что у них не было в мыслях так глубоко забираться и они хотели решить судьбу кампаний в генеральном сражении неподалёку от своих границ, шведы и французы были втянуты самим пространством в его бескрайние русские просторы и растворились в них. Нам неизвестно, знал ли Х.Макиндер о знаменитом высказывании Александра I, что он готов отступать хоть до Камчатки, но ни за что не подпишет мира с французами до того, как они покинут территорию России. Хотя это была бы неплохая иллюстрация его идеи.

Нам также не совсем понятно, почему Х.Макиндер, пространно рассуждая о российской истории от войн с половцами до гитлеровского нашествия, не нашёл места для объяснения хартлендовским методом провалов английских вторжений в ходе Крымской войны.

Англичане вместе со своими союзниками потерпели неудачу при попытке добиться сколько-нибудь значимого результата на Балтике и Белом море. А их усилия вторжения в Россию со стороны Тихого океана завершились занятием пустого места, на котором стоял Петропавловск-Камчатский: жители к этому времени были эвакуированы на Амур и вглубь России, а сам город разобран и частично сожжён. Английская пресса заполнились желчными издёвками при известии о том, что возглавлявший союзников адмирал Д.Прайс увидев укрепления ещё не разобранного Петропавловска немедленно застрелился. А эскадра после двух крайне неудачных попыток штурма города, не смогла найти отошедшего противника и в его поисках заплутала в морских просторах. Заметим, что с точки зрения Х.Макиндера, Камчатка должна была в контексте Крымской войны восприниматься, как весьма близкое место по отношению к хартленду. Кроме того, нет никаких свидетельств того, что неудачу Белого движения в ходе Гражданской войны в России Х.Макиндер связывал с тем, что большевикам удалось к концу 1919 г захватить хартленд. Это тем более удивительно, что он принимал непосредственное участие в интервенции в ходе Гражданской войны, будучи «верховным комиссаром» Британии на оккупированном странами Антанты юге нынешней Украины.

Можем лишь предположить, что это молчание вероятно связано с тем, что основные работы о хартленде были написаны в то время, когда Англия и Россия состояли в союзе друг с другом (в Антанте и антигитлеровской коалиции) и потому рассуждать об их конфликтах в геополитическом измерении было политически неправильно. Хотя провокативность тезиса о хартленде всё равно оставалась вполне очевидной. Во всяком случае, эпизод с Крымской войной был бы более нагляден, нежели попытка пояснить свою мысль посредством образного сравнения Франции и России. Мы имеем в виду рассуждения Х.Макиндера о схожести их паттернов: если Франция защищена со всех сторон, кроме северо-востока морями и горами, то в России география, позаботившись о всех сторонах света кроме запада [7, 199]. Поэтому восток являлся опорой России в отношении вторжений с Запада, представляя собой глубокий тыл, чуть ли не бесконечно расширяющий её защитный потенциал. В своей поздней работе, которую была написана во время II-й Мировой войны, он попытался даже установить «ось оси» или, как он выразился «the very pivot of the pivot areal» [7,200]. Этой осью Х.Макиндер назначил Южный Урал. Это вполне соотносилось с военно-политическими реалиями того периода. Поскольку, эвакуировав значительную часть своей индустрии в Уральский регион, Советский Союз смог не только восстановить своё военное производство, но и существенно нарастить его, что сыграло существенную роль в переломе войны с Германией.

В то же время заметим, что, хотя этот пример является хорошей иллюстрацией доводов Х.Макиндера, он может быть принят во внимание лишь когда идёшь на поводу его рассуждений. А он рассуждал о природе политики исключительно в имперских категориях. Они

подразумевали борьбу за первенство в глобальном масштабе и определяли жизненно важные для Британии точки в их предельном значении. Следует также сказать, что Х.Макиндер был склонен к весьма вольным интерпретациям мировой истории, результаты которых побуждали его к смелым и крайне необычным умозаключениям. Мы полагаем, что в основе рассуждений Х.Макиндера лежат древние представления о Земле, как средоточии мироздания, вокруг которой обращается вся небесная сфера.

В этом ключе общества древности воспринимали и свои священные места, наделяя их своеобразными «осевыми» качествами. К таковым греки относили омфал Дельфийского храма Аполлона, считая его пупом Земли. У китайцев, подобно грекам, отделявшим себя от инокультурных «варваров», функции центра мироздания приписывались горе Тайшань. Для большинства населения в качестве «религиозной оси» Земли выступает Иерусалим. Объединив эти представления с географическими представлениями об условной земной оси, Х.Макиндер установил «географическую ось истории». В дальнейшем, возможностями такого замечательного метода, с помощью которого можно было доказать всё, что угодно, воодушевился К.Ясперс. Он занялся установлением осей времени, которые, сменяясь в соответствии с актуальными запросами, определяют направление развития обществ. Тем самым он уподобил социальную жизнь телеге, на которой оси можно менять сообразно текущим надобностям [33,78-93]. Ясперсовские конструкты, конечно, весьма причудливы, но сравнительно безобидны, поскольку значимой характеристикой его осей является такая абстрактная категория, как время. Из этого следует, что у их создателя нет стремления противопоставить одну ось другой или, суетливо замеряя близость или удалённость какого-либо народа к оси, давать ему, по результату произвольных ментальных измерений, решительную характеристику.

Но американец Н.Спикмен - младший современник Х.Макиндера, решил довести его идеи до логического конца. Он приспособил к концепции пространственной доминанты хартленда, восходящую к временам гражданской войны в США и затем разработанную в работе А.Мэхэна, стратегию анаконды. Образ анаконды возник в журналистской среде в период гражданской войны в США. Газетчики наградили такой метафорой план генерала северян У.Скотта (заключавшийся в водной блокаде южных штатов в период Гражданской войны в США) с анакондой, охватывающей свою жертву и постепенно удушающую её в своих объятиях. В изложении Н.Спикмена контаминация хартленда и анаконды усиливала оппозицию хартленда и периферии, перенося акцент с первого на последнюю. Н.Спикмен предлагал оформить периферию (Rimland), как единое военно-политическое образование, которое должно сжать хартленд до его полного подчинения периферии, изменив таким образом, социально-политическую природу мира. Ибо, согласно спайкменовским рассуждениям, не

только пространство влияет на социум, но и сам социум может изменять вмещающее его пространство [27,181]. Иначе говоря, Н.Спикмен хотел политикой исправить ошибки географии.

Военно-политическим следствием взглядов явилось окружение хартленда, целиком находящегося в пределах СССР, цепью союзных США военных блоков и американских баз. Конечно у нас нет никакой уверенности, что президент Г.Трумэн, при котором окончательно сложилось окружение СССР кольцом враждебных государств и военных баз, был знатоком геополитики и при принятии решений ориентировался на макиндеровские идеи. Вероятнее всего он руководствовался идеей стратегического окружения своего политического противника и ни о каком хартленде даже не помышлял. Но фон, задаваемый геополитикой Х.Макиндера и Н.Спикмена, курсы которой читались в американских высших учебных заведениях и статьи, публиковавшиеся в претендующих на научный статус журналах, во многом предопределял освещение чисто военных решений правительства в духе, выдаваемом за последнее слово учёной мысли.

К числу их продолжателей относился С.Коэн, дополнивший геополитический конструкт понятием геополитических регионов, очертания которых напоминают тектонические плиты [1,29;2]. В силу чего возникают ассоциации, что политическое противостояние имеет более глубинные корни, поскольку определяется не только, а, возможно, и не столько географией, сколько геологией. Если наши предположения верны, то остаётся сделать только шаг, чтобы вывести антагонизм на космический уровень, объясняя природу современных конфликтов особенностями вселенских сил, результатом которых явилось возникновение Земли. Отметим, кстати, что невзирая на новое «геологическое» деление, С.Коэн, как и все его предшественники, истолковывает науку о Земле посредством политики. Хотя, если исходить из названий их книг, статей, да и, наконец, самой науки должно быть наоборот. Ключом к объяснению этого странного на первый взгляд истолкования является деление семи (как и материков) геополитических регионов на две противостоящих геостратегических области. К одной относится классическая в политическом отношении Евразия (Хартленд, Восточная Европа, Восточная Азия), а к другой – весь оставшийся мир, определяемый как островной через морские и прибрежные категории.

Отсюда оставался только шаг до геополитического обоснования атлантизма, теории, провозгласившей существование новой – атлантической - оси, противопоставлявшийся и даже, в какой-то мере, упразднявший старое понимание хартленда. Над доводами такого рода изрядно потрудились Д.Мэйниг [9,569], У.Кирк [6,17-21], Я.Гоблет. Смысл их утверждений сводился к тому, что каждый из двух соперничавших центров стремился к своему Граалю: Россия-Хартленд видела в нём морское побережье и вся её «политическая история бы-

ла… вдохновлена поисками океана» [4,191], а атлантические державы, контролируя острова от Британии до Японии, стремились расширить своё влияние вглубь Евразии.

Распад СССР породил у ряда американских геополитиков ложное представление о том, что сбылась мечта Н.Спайкмена и анаконда удавила недоступный для военного вторжения хартленд. Некоторые из них торжествовали, сочтя, что атлантическая модель победила и истории пришёл конец (Ф.Фукуяма). Другие увидели в этом только переход от биполярного мира к униполю (монополярному устройству мира). Согласно утверждению автора теории униполя, англо-саксонские державы Атлантики на всём протяжении XX века втягивали туда Западную Европу и страны Дальнего Востока и теперь для окончательного перелома и закрепления своего первенства в мировой политике осталось затянуть в униполь Россию [28,27-44]. Но, вопреки всем этим расчётам, порождённых надеждами и основанных на мифологических конструктах, всё идёт не так. И удивляться этому не приходится, так как от ложных посылок к верному заключению можно прийти лишь случайно. А результатом этих скрупулёзных выкладок, завязывающих политику на пространство в духе западного мессианизма, стало появление российской геополитики, известной как евразийство.

Истоки евразийства довольно разнородны. Самое раннее из программных высказываний, ориентирующих Россию на освоение малонаселённых и недостаточно развитых территорий северо-восточной Евразии, было высказано в 1763 г М.В.Ломоносовым. В своей работе он выразил беспокойство возможным окружением России, чему, посредством колонизации северо-восточной Евразии, он надеялся положить предел [20,422]. Примечательно, что в предисловии своего труда автор хотя и обращается к наследнику престола Павлу Петровичу, перечисляя все его зарубежные титулы: «герцогу шлезвиг-голстинскому, стормарнскому, дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому, наследнику норвежскому», но ориентирует его, «как флотов российских генерала-адмирала» не на западные моря атлантического бассейна, а исключительно на северо-восток [20,419] «Таким образом, - утверждал М.В.Ломоносов - путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [20,498]. Обычно это высказывание приводится в крайне усечённом виде и из него трудно понять, что именно обеспечение контроля над евразийским северо-востоком М.В.Ломоносов считал важнейшим фактором безопасности России.

На этой основе В.И.Ламанский спустя сто лет сформулировал основные принципы евразийской концепции. Очертания выделенного им «Среднего мира», противостоящего в культурном и географическом отношении «Романо-германскому миру» (охватывающего западноевропейский полуостров Евразии) и «Собственно азиатскому миру» [19,185;19,229], примерно соответствуют той территории, которую в дальнейшем стали именовать Евразий-

ским миром [21]. Тем самым Евразия была определена не как географическое понятие, а как социально-политическая категория. Интенции, заложенные В.И.Ламанским относительно прямой связи между пространственными различиями и политическим противостоянием европейского Запада и Востока продолжали цивилизационный подход Н.Я.Данилевского и явились своеобразным ответом с Востока на агрессивную устремлённость геополитических концепций англо-саксонской и германской школ. В силу этого, усилиями Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого и их единомышленников преимущественно цивилизационная компонента Н.Я.Данилевского и В.И.Ламанского была замещена на геополитическую. Подтверждения этому найти нетрудно. Один из самых последовательных евразийцев П.Н.Савицкий относил евразийство к геополитике, писал работы, в названии которых употреблял этот термин [24] и в его переписке встречаются выражения «как геополитик я предвижу» [26].

В 1930-е годы становилось всё более очевидным стремление западных геополитиков теоретически обосновать необходимость прямого или косвенного контроля над Россией. В этом отношении концепции хартленда и Lebensraum весьма удачно дополняли как историческое соперничество Западной и Восточной Европы, так и их идеологическое противостояние. В силу этого менялись акценты евразийства. Геокультурное и геоэкономическое понимание России-Евразии всё больше политизировалось. Оно становилось почти неотличимым от базовых принципов геополитики, согласно которым примат пространства предопределяет все политические действия. Если для первого поколения евразийцев основной задачей было объяснение аксиологии пространства Евразии, посредством которой они стремились определить политическое место России в мире, то их преемники, т.н. «левые евразийцы», начиная с Д.П.Святополк-Мирского, а затем и самостоятельно продолжавший развивать евразийские идеи в рамках собственной оригинальной концепции, Л.Н.Гумилёв, стали более решительно противопоставлять евразийское пространство западному, в качестве социально-политической оппозиции. Их основной посыл состоял в противостоянии западной геополитической мысли, основывающейся, с одной стороны, на распространённом на Западе материалистическом индивидуализме, а, с другой, на материалистическом коллективизме, который, через марксизм, проник и стал активно внедряться на Востоке.

Взамен этого евразийцы предлагали создать в России симфоническое общество идеократического типа, которое основывается на исторической близости евразийских социумов и их традиционных ценностях. Согласно этим представлениям, сродство евразийских обществ связано с ощущением созвучности их культурного ритма, что является надёжной гарантией единства России-Евразии. Итак, по замыслу евразийцев, противостоящий Западу политический проект международного субъекта России-Евразии должен состоять в гармоничном совмещении духовных и хозяйственных основ общественного бытия, образуя социальную сим-

фонию. Вот к чему призывала Декларация, принятая на Первом съезде Евразийской организации 1932 г:

«XI. Евразийскому государству евразийцы ставят два задания: а) задачу организации жизни особого мира России – Евразии; б) задачу духовной и экономической эмансипации трудящихся.

XII. Средство к осуществлению обоих заданий евразийцы видят в построении государственно-частной системы хозяйства. В ней государственное хозяйство и государственный план кладутся во главу угла. То и другое направлено: 1) на укрепление экономической независимости России – Евразии; 2) на обеспечение интересов трудящихся» [17,2-3].

Как мы видим, основную задачу евразийцы видели в правильном обустройстве государства и не рассчитывали решить внутренние проблемы общества путём внешней агрессии. Из принятых очертаний границ России-Евразии, которые, согласно представлениям евразийцев, в принципе соответствовали территории СССР, также ясно, что их устремления не были направлены на захват территорий евразийских окраин, удушения их посредством окружения или захвата стратегически важных мест в центре того или иного региона. В то же время евразийцы категорически не разделяли интернациональный глобализм коммунистов, которым идея измерять политику пространством была чужда, так как они поверяли её идеологией, призывая «дойти до Ганга» и подчинить себе для начала весь евразийский континент «от Японии до Англии». В конце 1930-х годов евразийство вступило в длительную полосу кризиса, связанную с переходом части его членов на коммунистические позиции.

Начиная с 1960-х годов во многом созвучные евразийцам идеи стал излагать Л.Н.Гумилёв. Причём сам он и сам определял себя, как евразийца [15,79-80]. Но концепция Л.Н.Гумилёва, основанная на его самобытном учении о пассионарности, совершенно по-новому освещала социальные процессы, происходящие в России. Опираясь на теорию А.Л.Чижевского, пытавшегося увязать социальные процессы с космическими явлениями [32] и концепцию ноосферы В.И.Вернадского [14,200-202], Л.Н.Гумилёв пытался вывести евразийство из его «законного» геополитического поля. Но не слишком в этом преуспел. Несмотря на категориальное родство гумилёвского «вмещающего ландшафта» и евразийского «месторазвития» природа обеих понятий объяснялась по-разному. Предложенные Л.Н.Гумилёвым космологические причины социально-политической жизни Евразии плохо сочетались с географическими и культурно-историческими обоснованиями его предшественников. Поэтому, несмотря на попытки популяризации, его учение было оттеснено к периферии научного знания.

В геополитику евразийство в 1990-е годы вернул А.Г.Дугин. Причём поместил его туда буквально, войдя, тем самым в противоречия с большинством евразийцев, которые не

были солидарны с П.Н.Савицким и, в силу западной коннотации термина «геополитика», старались не употреблять это понятие. Но для А.Г.Дугина это было принципиально, так как он в рамках своего понимания евразийства (т.н. неоевразийство), «отождествляет евразийство с континентализмом» и теллурократией [16]. То есть не только вводит евразийство в западный геополитический дискурс (что теоретически допустимо), но и придаёт ему совершенно западную интерпретацию, что идёт вразрез с евразийской традицией и выталкивает его за пределы концепции. Переход на западное толкование, привело А.Г.Дугина к смене базовой мифологемы. От такой особенности евразийства, как «напряженный мистико-историософский порыв с не менее ярко выраженной конкретно-историческим» положением России [25], он, в своих рассуждениях о противостоянии теллурократии и талассократии перешёл, по сути, к мало занимавшей его предшественников, библейской мифологеме борьбы сухопутного чудища левиафана и морского чудища бегемота.

Что касается политических следствий возобновления с 1990-х годов интереса к евразийству, то они нашли своё проявление не столько в сравнительно мало известных движениях и партиях, сколько в реализации политических проектов, ориентированных на политическое и военное объединение евроазиатских территорий бывшей Российской империи и СССР. Интересно то, что напрямую с идеями евразийцами эти проекты не увязываются. Впрочем, и тогдашние атлантисты не были склонны тесно сопрягать идеи А.Мэхэна и Х.Макиндера с североамерикано-западноевропейской военной и политической интеграцией. При этом обратим внимание на то, что эти две противостоящие друг другу направления, ранее существовавшие лишь в виде концептов, воплотились в институциональные образования. Сначала получил институциональное воплощение атлантизм, а затем, в качестве ответа – евразийство.

Отметим, что атлантический проект, воплотившийся после подчинения Соединёнными Штатами прибрежных стран европейского Запада (Rimland), в подконтрольный им военный альянс НАТО, а затем в ЕЭС, формально противостоял СССР и его союзникам не столько, как феномену континентальной геополитики, сколько как своему классовому врагу. Занятно, что, борясь с коммунистическими государствами и их идеолологией, руководители западных стран тем самым, косвенно разделяли марксово разделение человечества на классы и учение о неизбежности борьбы между ними. В дальнейшем, когда коммунистические режимы в Восточной Европе пали и классовое противостояние потеряло всякую актуальность, Запад вновь вернулся в более привычное для себя геополитическое поле. Упорную неподатливость России, не желающей подчиняться очередным гегемонам вновь стали объяснять посредством «вневременной истины»: величайшая опасность для Запада может исходить лишь из Евразии» [5,31]. Свой ответ российское руководство также предпочло представить своё

чисто политическое решение в геополитической – евразийской – упаковке. Мы имеем в виду действия по созданию ЕврАзЭС, а затем преобразовние его в ЕАЭС.

В этой связи обратим внимание, что, хотя Евросоюз (пришедший на смену ЕЭС) и ЕАЭС заменили ранее существовавшее в этой части света противостояние капиталистического ЕЭС и коммунистического СССР, шанс превращения их программных установок в идеологию мы считаем маловероятным. На наш взгляд, в настоящее время они представляют собой политические проекты, хотя и конкурирующие друг с другом, но основанные на ценностях, не являющихся антагонистическими. Из этого следует, что сейчас градус конфликта атлантизма и евразийства, как в теоретическом отношении, так и в практическом, сравнительно невысок. Впрочем, так же невысоко мы оцениваем и перспективу прекращения этого конфликта в ближайшем будущем, так как стремящаяся к многополярному миру Россия, в лице своего руководства, отрицает гегемонизм, как на теоретическом уровне, так и на уровне политической практики. Скажем больше: полемика по поводу роли и даже необходимости НАТО, ведущаяся по обе стороны Атлантики [8], является показателем стремления руководства ЕС пересмотреть значение атлантизма в своей повседневной практике в пользу политического реализма, где в качестве критерия выступают национальные интересы.

Литература:

1. Cohen S.B. (1957), *Geography and strategy: their interrelationship. A lecture delivered at the Naval War College on 17 September 1957*. Newport.
2. Cohen S.B. (1963), *Geography and Politics in a World Divided*. NY.
3. Evelyn J. (1674), *Navigation and Commerce, their Original and Progress. Containing a succinct Account of Traffick in General*. L.
4. Goblet Y.M. (1955), *Political Geography and the World Map*. NY.
5. Gray C.S. (2005), “In Defence of the Heartland: Sir Halford Mackinder and His Critics Years On”. *Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West.* L.
6. Kirk W. (1965), *Geographical Pivots of History*. Leicester.
7. Mackinder H.J. (1919), *Democratic ideals and reality: A study in the politics of reconstruction*. L.
8. Macron E. (2019), *Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead*. The Economist, Nov. 7th 2019.
9. Meinig D.W. (1956), “Heartland and Rimlend in Eurasien History”. *The Western Politicak Quarterly*. Vol. 9. № 3. Sep. 1956.
10. Ritter C. (1852), *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde.* Berlin.

11. Schmitt C. (1941), “Das Meer gegen das Land”, *Wochenzeitung “Das Reich”* vom 9. März 1941.
12. Sörgel H. (1931) “Europa-Afrika: ein Weltteil”, *Sozialistische Monatshefte*. №37. H.10, 1931.
13. *Библия. Ветхий завет. Бытие.*
14. Вернадский В.И. (1991), *Научная мысль как планетное явление*. М.
15. Гумилёв Л.Н. (1992), “Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство”. *Социум* №9 (21).
16. Дугин А. (2016), “Многополярность и неоевразийство”. https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-neoevraziystvo (дата обращения 29 ноября 2019 г).
17. *Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы* (1932). Прага.
18. Коган П. (1965), “Лирическое отступление (из романа в стихах)”, *Советские поэты, павшие на Великой отечественной войне.* М.
19. Ламанский В.И. (2010), “Три мира Азийско-Европейского материка”, *Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.*
20. Ломоносов М.В. (1952), “Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию”, *Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии.* Т.6. М.-Л.
21. *Мир России – Евразия* (1995). М.
22. Мэхэн А.Т. (2011). *Влияние морской силы на историю, 1660-1783 гг.* М.
23. Никиш Э. (2012) *Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события.* СПб.
24. Савицкий П.Н. (2000), “Геополитические заметки по русской истории”, *Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.*
25. Савицкий П.Н. (1928), “Переписка с представителями евразийского течения по редакционно-издательским, агитационным вопросам и вопросам личного характера. 28 июля 1928 – 14 марта 1928”, *ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 366. Л. 75.*
26. Савицкий П.Н. (1932), “Письмо 1932 г к В.Н.Иванову”, *ГА РФ Ф. 5783 Оп. 1. Д.1.*
27. Спикмэн Н.Дж. (2014), “География и внешняя политики”, *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* Вып. 4. Ч. 1.
28. Страус А.Л. (1997), “Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России”, *Полис*. №2.
29. Трубецкой Н.С. (1920), *Европа и человечество*. София.

30. Татищев В.Н. (1769) *Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Книга первая. Часть вторая*. М.
31. Хаусхофер К. (2001), "Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония", *Хаусхофер К. О геополитике*. М.
32. Чижевский А.Л. (1924), *Физические факторы исторического процесса*. Калуга.
33. Ясперс К. (1991), "Истоки истории и её цель", *Ясперс К. Смысл и назначение истории.* М.

References:

1. Cohen S.B. (1957), *Geography and strategy: their interrelationship. A lecture delivered at the Naval War College on 17 September 1957*. Newport.
2. Cohen S.B. (1963), *Geography and Politics in a World Divided*. NY.
3. Evelyn J. (1674), *Navigation and Commerce, their Original and Progress. Containing a succinct Account of Traffick in General.* L.
4. Goblet Y.M. (1955), *Political Geography and the World Map.* NY.
5. Gray C.S. (2005), "In Defence of the Heartland: Sir Halford Mackinder and His Critics Years On", *Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West.* L.
6. Kirk W. (1965), *Geographical Pivots of History*. Leicester.
7. Mackinder H.J. (1919), *Democratic ideals and reality: A study in the politics of reconstruction.* L.
8. Macron E. (2019), *Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead.* The Economist, Nov. 7th 2019.
9. Meinig D.W. (1956), "Heartland and Rimlend in Eurasien History", *The Western Politicak Quarterly.* Vol. 9. № 3. Sep. 1956.
10. Ritter C. (1852), *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde.* Berlin.
11. Schmitt C. (1941), "Das Meer gegen das Land", *Wochenzeitung "Das Reich"* vom 9. März 1941.
12. Sörgel H. (1931) "Europa-Afrika: ein Weltteil", *Sozialistische Monatshefte*. №37. H.10.
13. *Biblia. Vetkhij zavet, Bytie*. (Bible
14. Vernadsky V.I. (1991), *Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie*. M.
15. Gumilyov L.N. (1992), "Skazhu vam po sekretu, chto esli Rossiya budet spasena, to tolko cherez evraziystvo", *Sotsium* №9 (21).
16. Dugin A. (2016), "Mnogopolarnost i neoevraziystvo", https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-neoevraziystvo (Accessed 29 November 2019).

17. *Evraziystvo. Deklaratsiya, formulirovki, tezisy* (1932). Praga.
18. Kogan P. (1965), “Liricheskoe otstuplenie (iz romana v stihakh)”, *Sovetskie poety, pavshie na Velikoy otechestvennoy voyne*. M.
19. Lamansky V.I. (2010), “Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika”, *Lamansky V.I. Geo-politika panslavizma*. M.
20. Lomonosov M.V. (1952), “Kratkoe opisanie raznykh puteshestviy po severnym moryam i pokazanie vozmozhnogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu”, *Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sichineniy. Trudy po russkoy istorii, obshestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii* T.6 – M.-Leningrad.
21. *Mir Rossii - Evrazia* (1995). M.
22. Mahan A.T. (2011), *Vliyanie morskoy sily na istoriyu, 1660-1783*. [The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783] M.
23. Niekisch E. (2012), *Zhizn na kotoruyu ya otvazhilsya*. *Vstrechi i sobytiya.* [Gewagtes Leben. Begegnungen und Begebnisse. Translated by A.V.Pertsev], Sankt-Peterburg.
24. Savitsky P.N. (2000), “Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii”, *Vernadsky G.V. Nachertanie russkoy istorii*. Sankt-Peterburg.
25. Savitsky P.N. (1928), “Perepiska s predstavitelyami evraziyskogo techeniya po redaktsionno-izdatelskim, agitatsionnym voprosam i voprosam lichnogo kharaktera. 28 iyulya 1928 – 14 marta 1928”, *GA RF. F. 5783. Op. 1. D. 366. L. 75*
26. Savitsky P.N. (1932), “Pismo 1932 g k V.N.Ivanovu”,*GA RF F. 5783 Op.1. D.1.*
27. Spykman N.J. (2014), “Geografiya i vneshnyaya politiki”, *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* Vyp. 4. Ch. 1.[Geography and Foreign Policy]
28. Straus A.L. (1997), “Unipolyarnost. Kontsentricheskaya struktura novogo mirovogo poryadka i pozitsiya Rossii” [UNIPOLARITY. The concentric structure of the new world order and Russia's position], *Polis*. №2.
29. Trubetzkoy N.S. (1920), *Evropa i chelovechestvo*. Sofiya.
30. Tatischev V.N. (1769), *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevrneyshikh vremen. Kniga pervaya. Chast vtoraya*. M.
31. Haushofer K. (2001), “Kontinental'nyy blok: Tsentralnaya Evropa – Evraziya – Yaponiya”, *Haushofer K. O geopolitike* [Der Kontinentalblock. Mitteleuropa-Eurasien-Japan], M.
32. Chizhevsky A.L. (1991), *Fizicheskie faktory istoricheskogo protsessa*. Kaluga.
33. Jaspers K. (1991), “Istoki istorii i ee tsel” // *Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii*. [*Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*], M.